

Дуглас Кейн

ПОСЛЕДНИЙ ШТРИХ К ПОРТРЕТУ СМЕРТИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дуглас Кейн

**Последний штрих
к портрету смерти**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Кейн Д.

Последний штрих к портрету смерти / Д. Кейн — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Наёмник по прозвищу Гадес берётся похитить известного художника Дэмиена Брэдфорда, но кто-то опережает его. Теперь Гадесу нужно сделать две вещи. Во-первых, вступить в кровавую схватку с конкурентами. Во-вторых, понять, какие тайны скрываются в полотнах Маэстро Брэдфорда, почему происходящее вокруг художника нельзя назвать иначе, как безумием... и что Маэстро значит в его собственной судьбе. Literary magazines review: "Лирический трэш, густо замешанный на сексе и насилии". Paperback Detectives: "Карнавал жестокости и абсурда с неожиданно трогательным финалом". Содержит нецензурную брань.

© Кейн Д., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Глава 1

Посмотрев на часы и убедившись, что времени в запасе вдоволь, я прижал обшарпанный фордовский «пикап» к обочине и заглотнул таблетку обезболивающего, запив водой из походной фляги. Потом открыл дверцу и закурил. Мне требовалось ещё раз обдумать запланированный шаг.

Мне доводилось попадать в неприятные и опасные ситуации. Но положение, в котором я оказался сейчас, было не просто трудным. Оно было фантастическим.

Новый для меня опыт...

Я курил, барабаня пальцами правой руки по рулевому колесу. Позади меня в кузове пикапа лежал свёрнутый ковёр. С одной стороны из него торчала пара подошв.

Слева таранились мёртвыми глазницами окон пустые здания – оцепенелая окраина депрессивного городка в окрестностях Детройта. Справа щетинился гнилыми обломками деревьев пустырь. Впереди темнели корпуса разорившихся предприятий.

А с неба лился солнечный жар. Солнцу было всё равно. Оно одинаково освещало шумные мегаполисы и растоптанные кризисом города, леса, поля и кладбища людских надежд вроде того, посреди которого я находился.

Все люди, уверенные в том, что взяли судьбу за горло, или проклинающие судьбу, которая держит за горло их, – в общем, люди, понятия не имеющие о том, что такое судьба, все ходят под одним небом.

Звёзды экрана и бродяги, политики и рабочие, страховые агенты и таксисты, дантисты и шлюхи, брокеры и фермеры, солдаты и художники, богачи и бедняки, убийцы и жертвы – все получают свою порцию солнца.

А солнцу по хер. Оно просто светит, и ему всё равно, какая чертовщина творится под его лучами.

Я назвал своё положение фантастическим, но это неверно. При слове «фантастический» представляется нечто, связанное с пришельцами и безумными учёными, нечто, имеющее хоть идиотское, но объяснение.

Моё положение скорее следовало назвать сказочным.

Объяснение произошедшему было, но можно ли относиться к нему серьёзно? В иные минуты мне казалось, что я схожу с ума. Но это почему-то не заставляло меня тревожиться.

Есть вещи поважнее благоразумия...

Я выбросил окурочок на дорогу, снова посмотрел на часы и, со второго раза захлопнув разболтанную дверцу, поехал дальше.

Может быть, разумнее сейчас просто скрыться. Однако интуиция настойчиво советовала: доведи дело до конца.

Я привык доверять интуиции.

Через десять минут я остановился перед складским корпусом. На воротах были нарисованы две зелёные шестерни, они предваряли имена совладельцев, начертанные стилизованным под «техно» шрифтом: «Тёрнер и Тёрнер».

За мной наблюдали. Ворота скользнули в пазах, пропуская пикап в темноту склада. Я заехал внутрь, быстро моргая, чтобы глаза скорее привыкли к полумраку.

Пустое помещение наполнилось грохотом, и когда я заглушил мотор, тишина показалась оглушительной. Я перебрался в кузов пикапа, откинул борт и вытащил наружу свёрнутый и перемотанный скотчем ковёр. Свёрток был тяжёлым.

Теперь я уже хорошо видел, что меня поджидали трое. К Тёрнерам, конечно, ни один отношения не имел. Тёрнеры, кем бы они ни были, забросили свою ставшую бесполезной недвижимостью, самое меньшее, пять лет назад. Теперь на складе главными были мыши и Гриф.

Гриф в своём полосатом костюме, с дымящейся сигарой, с залысинами, обрюзгшим лицом и мешками под глазами мог бы составить конкуренцию Марлону Брандо на кинопробах к «Крёстному отцу».

Слева от него стоял долговязый парень в джинсовом жилете. Длинные волосы его были стянуты в неряшливый хвост. Опущенные плечи и сутулость скрадывали животную силу, которую только намётанный глаз мог разглядеть за маской безразличия на туповатом вытянутом лице. Что-то во взгляде, в несимметрично расположенных углах рта, во всей повадке выдавало закоренелого садиста. У меня глаз был намётан. Уж кого-кого, а садистов я насмотрелся вдоволь.

Я не сомневался, что этот парень – штатный палач Грифа.

С первой встречи я называл его про себя так же, как и Гриф, – Джейсоном. Может быть, это от нервов, но теперь я мог думать о нём только как о Палаче.

Второй, плечистый крепыш в спортивном пиджаке, обладатель мощных надбровных дуг и челюстей, способных, если судить по виду, перекусывать стальные прутья, глядел прямо и хмуро. Маленькие глазки светились колючей ненавистью. К нему Гриф обращался по прозвищу, которое удивительно шло ему: Кирпич.

Гриф обхватил сигару большим и указательным пальцами, словно показывал букву «О», выдохнул облако сизого дыма и прокаркал:

– Как тебе это удалось, Гадес? Когда из Винтерфолла стали поступать новости, я был уверен, что ты провалил работу.

– Трудности были, – кивнул я. – Но у меня неплохо получается справляться с трудностями.

– Отлично, Гадес. Кирпич, отдай ему деньги.

Кирпич потянулся во внутренний карман пиджака.

– Не торопись, – попросил я. – На самом деле, всё не так хорошо, как может показаться на первый взгляд. Я честный парень, и не собираюсь брать деньги просто так. Сначала, Гриф, тебе стоит узнать, как всё прошло, а уж потом решишь, какой платы я заслужил.

Улыбка Грифа погасла.

– Что ты хочешь сказать? – спросил он, и опухшие глаза его скользнули к пикапу. – И где Обезьянка Джо?

– Этот мелкий сукин сын там, где не может мне помешать, – поморщился я. – Я ведь предупреждал, что работаю один. Не терплю, когда мне дышат в спину.

Гриф посмотрел на свёрнутый ковёр и нахмурился.

– Скажи одно, это – Маэстро?

– Прежде, чем я отвечу, я хочу, чтобы Кирпич убрал руку от пистолета.

Гриф кивнул своему громиле, и тот опустил руку.

По роду занятий я перевидал немало бодигардов. Как бы ни старались они походить на роботов, я давно научился по сумме едва заметных признаков угадывать, как они себя поведут в той или иной ситуации, даже каким оружием пользуются.

Скажем, для Кирпича самой подходящей была шестнадцатизарядная автоматическая «беретта» в наплечной кобуре. При всей массивности фигуры, заставлявшей неосознанно первым делом опасаться его кулаков со сплюсненными костяшками, повадка выдавала в Кирпиче ганфайтера, быстрого и меткого, как персонажи молодого Клинта Иствуда, которые любили носить мексиканское пончо и стрелять от бедра.

Что касается Джейсона, я не сомневался, что у него в левом кармане жилета (он был левшой) ждёт своей минуты любимый массивный кастет. За голенищем высокого ботинка наверняка притаился выкидной нож. И огнестрельное оружие у Джейсона, конечно, есть. Готов поставить доллар против цента, что это короткорылый револьвер приличного калибра. Джейсон – не только палач, он ещё и боец, но боец на короткой дистанции.

Ему нравится видеть глаза жертвы.

А ещё я был уверен, что где-то рядом затаился третий убийца.

Гриф не мог не знать, как рискует, решаясь избавиться от Гадеса. У Джейсона было слишком мало шансов подобраться ко мне, и на одного Кирпича Гриф не стал бы полагаться. Нужен более надёжный вариант: парень с автоматической винтовкой где-нибудь на антресолях.

Обычно чутьё подсказывает мне, если меня хотят подстрелить. Сейчас я не чувствовал щекочущего кончики нервов прицельного взгляда исподтишка. Вероятно, от большого количества обезболивающего, я вообще мало что чувствовал. Но логика подсказывала: стрелок с винтовкой должен быть.

Лучше думать, что он есть. Всегда нужно готовиться к худшему.

– Для начала я кое-что покажу. Чтобы твои парни не дёргались, буду делать это медленно, – продолжил я, глядя Грифу в беспокойно поблёскивающие глаза и без спешки вытягивая из кармана дешёвый сотовый телефон. – Вот с этого аппарата я тебе звонил два часа назад. Сейчас в списке контактов – единственный номер. Блокировка клавиатуры отключена. Гляди: мой палец на кнопке вызова. У меня тренированные мускулы, палец знает, что ему делать, и сделает это, даже если мне прострелить мозги. Догадываешься, что произойдёт дальше?

– Договаривай, – потребовал Гриф. – Не люблю гадать, предпочитаю знать наверняка.

– Ценное качество, – кивнул я. – Дальше пройдёт всего пара секунд, и сработает звонок другого телефона, который находится как раз между нами, в складках ковра. Только ни один из присутствующих здесь звонка не услышит. Контакт замкнётся, и мы все начнём увлекательное путешествие по воздуху вместе с обломками крыши и стен. Типа как «Из пушки на Луну». Ты ведь понимаешь, о чём я, верно, Гриф?

Он глубоко и нервно затаился, едва не поперхнулся и проговорил, выдыхая густое облако дыма:

– Понимаю, Гадес... Но зачем всё это? Кирпич собирался передать тебе деньги.

– Кирпич собирался просверлить во мне пару лишних отверстий, – строго сказал я. – Не пытайся обмануть Гадеса, Гриф. Если у Кирпича там деньги, пусть он их достанет. Медленно, конечно...

Гриф кивнул своему бугаю, и тот вытянул из внутреннего кармана пиджака пухлый конверт, приоткрыл его, повернув так, чтобы был виден край банкнот. Я кивнул и сказал:

– Подержи пока у себя. Заберу, если решим вопрос мирно и разойдёмся живыми.

Я не чувствовал, что ошибся. Деньги деньгами, но пистолет у Кирпича точно есть. И Грифу придётся очень постараться, чтобы опровергнуть мои догадки...

– Ты должен мне ещё десять тысяч, Гриф, – продолжал я. – А в конверте не поместится больше пяти. Значит, конверт нужен, чтобы отвлечь моё внимание. Вместо второго Кирпич должен достать пистолет и шлёпнуть меня. Примитивный трюк...

– Ты слишком подозрителен, Гадес, – поморщился Гриф.

– «Предусмотрителен», хотел ты сказать, – улыбнулся я. – Приятель, всё же очевидно. У тебя в подручных – палач, ковбой, снайпер. Цель – не мафиози, не политик, какой-то паршивый художник. Зачем было искать исполнителя на стороне?

Я говорил, а сам внимательно следил за лицами противников. Бодигарды, конечно, виду не подавали, но Гриф не удержался в какой-то момент, бросил взгляд мне за спину. Теперь я точно знал, что не ошибся, и позади меня, чуть правее, затаился снайпер.

Там, сбоку от ворот, начинались массивные стеллажи, я видел их, когда выгружал ковёр. На полках стояли большие серые от пыли коробки. Снайпер сидел за ними, скорее всего, на третьем ярусе. Я прикинул расстояние: метров двадцать. Хороший стрелок запросто может прострелить мне плечевой нерв, тогда с рукой придётся попрощаться. И он наверняка выстрелит, если я попытаюсь скрыться от него за пикапом...

Во время дальнейшего обмена репликами я начал жестиковать и переминаться с ноги на ногу. Улучив момент, быстро переложил телефон в левую руку. Теперь ему в нерв не попасть, и снайпер не станет рисковать, стреляя первым.

Всё более раздражавшийся Гриф бросил сигару на бетонный пол.

– Не думал я, что ты так глуп, Гадес! Это же очевидно: паршивый художник – не то, из-за чего я стану рисковать своими людьми. Человека со стороны точно не найдут. А кто именно будет исполнителем, меня не волновало...

– Всё было немного иначе, Гриф, – вздохнул я. – Ты прослышал, что Гадес – одиночка. И решил, что одиночку можно убрать после дела – его никто не хватится. Ты не подумал, что в нашем мире одиночки не выживают. А если выживают, значит, с ними что-то не так. Например, их слишком накладно пытаться убрать... Ну, сегодняшняя лекция тебя научит этой простой истине. Конечно, при условии, что мы все переживём сегодняшний день. А мы ведь постараемся сделать это, правда, Гриф? Клянусь, я готов постараться для тебя. Будь добр, ответь мне встречной любезностью. Приложи все усилия, чтобы я выжил. Это в твоих интересах...

– Клянусь, клянусь! – поспешно заверил он и спросил: – А теперь – не хватит ли пусто-порожней болтовни? Вернёмся к тому, на чём остановились. Кто в ковре? Маэстро?

Я отрицательно покачал головой.

– Нет, у нашей беседы будет другое начало, Гриф. Я не стану спрашивать, чем именно тебе насолил Маэстро. Это, должно быть, слишком личное, ты всё равно не захочешь рассказывать. Я сам тебе расскажу кое-что вкратце. Нужно, чтобы ты хорошенько понял, что такое, собственно говоря, этот Маэстро. Знаешь, кстати, какими словами он встретил меня?

В полных злости глазах Грифа сверкнул жадный – недодавленный усилием воли – интерес, когда он спросил:

– Какими?

Я выдержал короткую паузу и ответил:

– «Идущий на смерть приветствует несущего смерть». Вот что он сказал. Каково? А впрочем, я с самого начала почувствовал: всё пойдёт не так, как задумано. Да, Гриф, с того самого момента, когда Маэстро встретился со мной глазами...

Глава 2.

Он был великолепен в своём артистическом костюме. Узкие штаны, просторная белая блуза с широкими рукавами и глубоким, небрежно стянутым шнуровкой, вырезом, который давал полюбоваться рельефной мускулатурой груди. Прямые волосы лежали на плечах, обрамляя широкий лоб и скуластое лицо с изящными, хотя не лишёнными резкости чертами и волевым подбородком.

Далёкое прошлое, окутанная туманами истории Европа... Кажется, все принимали маскард Маэстро за чистую монету. Возможно, я был единственным, кто обратил внимание, что художник так и не слепил из себя законченного образа.

Это была только заготовка.

Прибавь к нему мысленно берет, палитру и кисти – будет художник эпохи Ренессанса, перед которым обнажается, готовится позировать, юная натурщица.

Прибавь чёрную бандану и короткую абордажную саблю – будет корсар, поджидающий, когда со стуком сойдутся борта, чтобы прыгнуть в гущу врагов.

Прибавь золотую цепь и тонкую шпагу – будет дворянин, налегке разгуливающий по своим угодьям после тренировки с учителем фехтования.

К слову, готов поставить четвертак против цента на то, что только эти три образа и владели воображением публики. Они были подсказаны привычными образами из кинофильмов. Между тем заготовку Маэстро можно было интерпретировать как угодно.

К примеру, можно было вообразить Маэстро сорбоннским студиязусом, который всю ночь наливался фалернским, горланя «Гаудеамус игитур» в компании собратьев по учёбе. Ему предстоит стать желчным хирургом, или скучным юристом, или вдохновенным физиком...

Ну ладно, вру, студиязуса я представил себе далеко не сразу. Первым – и главным – образом, пришедшим на ум, пока я рассматривал Маэстро, был образ убийцы. Мастера маскировки, который способен просочиться в любую среду, нанести удар исподтишка и скрыться, не вызвав ни тени подозрений.

Иными словами, я увидел в нём себя...

Над своей внешностью я потрудился на славу. Пожалуй, это была самая сложная задача по гриму, которую мне когда-либо приходилось выполнять. Ведь предстояло обмануть глаза художника-портретиста! Уж Маэстро-то умел рассматривать лица.

Поэтому я даже не прикоснулся к парикам. Вместо этого изготовил себе стильную укладку. И с гримом был крайне осторожен. Маэстро, конечно, заметит его. Поэтому для каждого мазка тонального крема следовало придумать объяснение. Эта задача меня захватила, и я часа два торчал в уборной, изобретая образ человека, который пользуется мужской косметикой не потому, что это модно в определённых кругах, а потому, что глубоко не уверен в себе и хочет победить эту неуверенность, меняя внешность.

И этот парень – я выбрал для него имя Дейл Скотт – хорошо научился добиваться своего. Заканчивая гримировку, я не узнавал себя в зеркале. Правда и фальшь сочетались в искусной игре, придавая мне выразительность и загадочность. Я мог бы сыграть на большом экране Гамлета, принца Датского, заткнув за пояс гладколицего Лоуренса Оливье и уж тем более плоского простачка Мела Гибсона.

На крупных планах зрители трепетали бы от волнения!

Обезьянка Джо, увидев меня, присвистнул и, засмеявшись, вывалил:

– Ха-ха-ха... Что это за феерический долбоёб?

Я усмехнулся. Обезьянка Джо не отличался душевной чуткостью и увидел в моём облике единственное, что могло заставить его волноваться при взгляде на другого мужчину: того, кто превосходит его самого во всём.

– На такого красавчика будут клевать все винтерфолльские тёлочки! Дашь мне выебать парочку?

– Время покажет, – коротко ответил я.

Мы покинули мотель. Броская, украшенная вызывающей аэрографией «тойота» понесла нас к Винтерфоллу. Я развалился на заднем сиденье.

Обезьянку Джо по-прежнему зло веселил мой вид. Он то и дело бросал на меня глумливые взгляды. Впрочем, я почему-то был симпатичен Обезьянке Джо. Не настолько, чтобы он не всадил в меня пулю, когда потребует, но достаточно для душевных бесед.

Хотелось ему поговорить и сейчас.

– Знаешь, всё заебись, только глаза у тебя неправильные.

– Полагаешь, стоило их подвести поярче? – осведомился я.

Обезьянка Джо хмыкнул.

– Неа. Взгляд неправильный. Такие педрилы смотрят сверху вниз, типа: «Я – бог», и всё такое прочее. А ты глядишь: «Я твоя смерть», – и точка. Надо хотя бы без точки, понимаешь?

– Не беспокойся, дружок, я не в первый раз прибегаю к маскировке. Не думал, однако, что ты хорошо разбираешься в педрилах, – заметил я.

Обезьянка Джо вынул из нагрудного кармана мягкую пачку брендовых сигарет, выбил одну, сунул в рот и закурил. Приоткрыл окно – завитки дыма устремились наружу. В салоне загудел ветер.

– Приходится разбираться во всём, брат! – ответил он наконец. – Даже в дерьме. Такова жизнь. Была у меня одна подружка... Такая, знаешь, вся из себя деловая. В постели – прямо

дикая кошка, что угодно позволяла с ней вытворять. Но как трусы наденет – всё, запросто к ней не подойди. И вот связалась она как-то с одним мудаком из Детройта. Тот выглядел в точности, как ты сейчас. Но гнилой. Я за ним понаблюдал – гниль. А глядел, как Папа Римский. Ну, знаешь...

– Знаю, – кивнул я. – Что ты с ним сделал?

Поганая ухмылка подсветила лицо Обезьянки Джо.

– Что и полагается – отмудохал как следует.

– А с подружкой?

К моему удивлению, улыбка на морщинистой роже Обезьянки Джо погасла.

– Дружкам отдал, чтоб выебли. – Он помолчал и прибавил: – А надо было убить обоих.

Минута или две прошли в блаженной тишине, потом Обезьянка Джо сообщил:

– Все женщины – бляди, бро. Даже если ведут себя порой, как вайомингские коровы. Ты знаешь анекдот про корову из Вайоминга?

– Знаю, – поспешно сказал я.

Однако Обезьянка Джо слишком любил рассказывать анекдоты.

– Ага, ага, про то, как один фермер привёл к ветеринару корову и говорит: «Сэр, посмотрите, что не так с моей коровой. С виду она как все, жрёт, срёт, молоко даёт. Но стоит подвести к ней быка, она садится на жопу и не позволяет ничего с собой сделать». А ветеринар спрашивает у фермера: «Ты что, приятель, в Вайоминге корову брал?» Фермер отвечает: «Да, сэр, точно, в Вайоминге! Как вы догадались?» А ветеринар ему: «Я брал там жену, и она ведёт себя точно так же».

Он сам же первый захохотал, упав на руль, но одним глазом косил в мою сторону. Я выдавил из себя смешок. Я уже понял, что когда дело касается анекдотов, Обезьянка Джо становится болезненно тщеславен. Порой кажется, что он легче простит, если ты украдёшь у него кошелек, чем если не посмеёшься вместе с ним над очередной – в лучшем случае плоской – шуткой.

Его болтливость, попытки панибратства, неожиданная откровенность можно было списать на особенности характера. Но с каждым его словом я всё больше убеждался: это попытки втереться в доверие или хотя бы усыпить мою бдительность. Гриф навязал мне Обезьянку Джо не для помощи. Тем более, когда вчера мы осматривались в Винтерфолле, помощи от Обезьянки Джо было не так уж много. Он слишком невнимателен. Нет, он нужен Грифу для того, чтобы убить меня...

Миль за пять от Винтерфолла Обезьянка Джо свернул на едва приметную дорогу, петлявшую между фермерскими полями. В распадке у реки нас поджидал Джейсон, сидевший на подножке потёртого фургона «ситроен».

– Как дела? – поинтересовался он у Обезьянки Джо.

– Порядок, бро! – отрапортовал мой сопровождающий. – Места наметили. Лучше всего прихватить Маэстро на заднем дворе, там никто не увидит...

Джейсон бросил Обезьянке Джо ключи от «ситроена», а сам сел в «тойоту». Я закурил. Джейсон высунулся из салона.

– Нервничаешь, Гадес?

Не отвечая и не глядя на него, я прислонился к борту фургона, прикрыв глаза и неспешно затягиваясь. Несколько секунд я ощущал на себе его холодный, как острая льдинка, взгляд.

– Не считаешь нужным отвечать мне?

Я глянул на него из-под полуприкрытых век.

– Джейсон, ты вроде неглупый малый. Я привык работать один. Мне нелегко даётся даже общество такого обаятельно спутника, как Обезьянка Джо. Будь добр, облегчи мою участь.

Он криво усмехнулся, завёл мотор и круто взял с места.

– Ты с ним поосторожнее, Гадес, – сказал Обезьянка Джо. – Он у нас парень злопамятный... Однажды месяц ждал, улыбался одному придурку, который ему досадил, а потом как уебал...

Я не ответил. Обезьянка Джо подошёл вплотную.

– Слушай, сколько ещё стоять будем? Садись, покуришь в машине.

Я открыл глаза. «Тойота» уже скрылась за поворотом, над дорогой между рядами клёнов медленно оседало облако пыли. Обезьянка Джо глядел на меня так, словно принял за чистую монету слова об обаятельном спутнике. Я быстрым движением надавил ему на сонную артерию. Обезьянка Джо рухнул наземь.

Под гавайкой у него за спиной я нашёл то, что и ожидал: «магнум-44». Мелкие парни любят большие пушки. Я проверил заряд и сунул револьвер себе за пояс. Брать его на дело я не собирался, но и просто выбрасывать не хотел.

Я связал Обезьянку Джо, заклеил ему рот скотчем и сел за руль. Двигатель почихал и завёлся. Машина двинулась вперёд рывком. Бросив взгляд на уже выученную наизусть карту, я пересёк реку по скрипящему деревянному мосту и двинулся обходным путём в Винтерфолл.

Итак, парень, которого видели в городе вместе с Обезьянкой Джо, уехал на размалёванной, как радуга, «тойоте». Вместо него на неприметном, выдавшем вида «ситроене» приехал красавчик назального вида, но с тревогой в душе. Он припарковал фургон в глухом, стиснутом дощатыми заборами закоулке подле заднего двора кинотеатра «Вестлайт».

Задний двор был заставлен колоннами покосившихся, разбухших от весенних дождей коробок. Его охватывала стальная сетка, кривая, изобилующая дырами. Посреди двора стояла мощная японка из славного клана «Нисан» с прицепленным к ней трейлером. Передвижная мастерская Маэстро. Из-за трейлера выглядывал могучий «лэндкрузер» – железный конь оруженосцев великого художника.

Феерический педрила выкурил ещё одну сигарету, отрепетировал перед зеркалом заднего вида выражение лица «я – бог» и отправился к парадному входу в здание.

Глава 3.

Кажется, не менее половины населения Винтерфолла, штат Мичиган, жаждало приобщиться к современному американскому искусству. Хвала «Гуглу», с момента расклейки афиш большая часть аборигенов уяснила, что Дэмиен Брэдфорд, более известный как Маэстро, составляет славу современного американского искусства, потому что объединяет традиции реалистического изображения с глубоко современным взглядом на мир.

Не сомневаюсь, что, несмотря на «Гугл», процентов так девяносто девять винтерфоллцев, пришедших на выставку, серьёзно рисковали впасть в ступор, когда попытались расшифровать для себя словесные обороты наподобие «полифонического звучание живописи». И потом восстанавливали душевное равновесие, чертыхаясь и говоря друг другу: «Какая, в общем, разница? Главное – посмотреть на этого парня, из-за которого столько шума. А уж с его мазнёй как-нибудь разберёмся».

Но едва ли не большую часть посетителей составляли приезжие. Маэстро, набрав популярности, сделался скуп на публичные мероприятия. Богема и журналисты, кормящиеся от искусства, не могли упустить случай. Эта публика на фоне скромной интеллигенции и облачённых в джинсу обывателей Винтерфолла смотрелась как-то особенно вызывающе. И я – вернее, мой персонаж – отлично вписывался в неё.

В молодости Маэстро прожил в Винтерфолле два года. Здесь у него был короткий, но бурный роман, здесь он написал свои первые заказные портреты, не оставляя работы билетёра в кинотеатре «Вестлайт». Все, кто писал о Маэстро, не преминули сообщить читателям, что в лице владельца «Вестлайта», старика Джона Гокинса, рано осиротевший Маэстро нашёл второго отца.

Новый владелец, племянник Гокинса по имени Ральф Хьюз, охотно предоставил свой загнивающий кинотеатр для проведения выставки. Такого наплыва посетителей «Вестлайт», вероятно, не видел со времён «Призрачной угрозы».

Даже странно, что морда у этого Хьюза была довольно кислая, хотя он и старался изображать улыбку, позируя рядом с Маэстро перед объективами стрекочущих затворами репортёров. Пару раз его сфотографировали без Маэстро – к нему тут же пристроились жена, раскрашенная под роковую женщину брюнетка в синем платье и довольно изящной шляпке, и распираемый от гордости сын лет семи.

Приезжие богемные франты бродили по залу, выставив перед собой «айфоны». Я их примеру не последовал.

Это, конечно, выделяло меня из толпы. Но я давно уже заметил, что человек без айфона никому не интересен. Стоит взяться за агджет – и каждый захочет заглянуть тебе в лицо: что это за тип с такой-то моделью? кто там снимает в необычном ракурсе?

Все, разумеется, крутились поближе к Маэстро. Они пришли снимать его, а не картины. Я поступил иначе: демонстративно прошёл мимо героя вечеринки и углубился в галерею, оставившись перед полотнами.

Они, к слову, действительно были хороши.

Мои познания в области искусства были невелики. Процентом девяноста из них сводилось к публикациям о Маэстро, проглоченных за последние дни. Конечно, в них я искал характер и повадки самого художника, а не анализ его творчества. Я ведь собирался похитить его, а не писать по нему диссертацию.

Поэтому не будет ложью сказать, что сейчас я смотрел на его картины незамутнённым взглядом. Пространные суждения о композиции, аллюзиях, цветовой гамме и прочая словесная шелуха не задержались в голове. Репродукции на экране мобильного я небрежно пролистывал, тогда как фото самого Маэстро изучал едва ли не под микроскопом.

Но теперь впечатление пришло само собой. Я привык работать с полной отдачей. И если сейчас нужно было изобразить парня, который влюблён в картины Маэстро, то я не собирался делать это кое-как.

Я заставил себя поверить, что мне интересно.

И это было совсем не сложно.

Потому что, повторяю, картины у Дэмиена Брэдфорда были великолепными. Это были исключительно одиночные портреты, но они не угнетали однообразием. От каждого веяло дыханием жизни – более настоящей, более ощутимой, чем всё, что оставалось за стенами «Вестлайта».

Если Маэстро чем и угнетал, так это тягой к трагедии.

Я, как нетрудно догадаться, человек несколько чёрствый. Тем не менее, мне очень быстро стало не по себе от концентрированной ауры беды, которой сочились полотна Брэдфорда.

Жизнь – яркая, стремительная – неизменно текла мимо его персонажей. Герои портретов были несчастны. Они были больны, или унижены чьей-то несправедливостью, или сломлены обстоятельствами, или поражены внутренним разладом. Их горе было прописано без малейшего излишества, но так чётко, словно ты читал о нём в газете.

Лишь два портрета были полны света, спокойствия и счастья. Они занимали центральное положение в композиции выставки. «Джон Гокинс» – старик со впалыми щеками и ясным добрым взглядом. Рядом – безуспешно пытающаяся сдержать улыбку «Девушка в зелёном платье». Около них и держался Маэстро, раздавая интервью и автографы.

Я придвинулся ближе.

– Знаете, про Джона я могу рассказывать долго. Как вы могли бы рассказывать про любимого дедушку из штата Иллинойс, у которого в подвале дома бродит вино из одуванчиков...

Художника записывали двое: тощий длинноволосый парень в маленьких прямоугольных очках и девица в брючном костюме с короткой причёской. Парень писал на смартфон, девица норовила просунуть в гланды Маэстро микрофон винтажного рекордера с бобинами.

Оба понимающе закивали.

– Но я скажу одно: это был человек, которому доброта заменяла образование. Он не сумел бы отличить Стюарта от Микеланджело, и разница между тушью и гуашью существовала для него лишь постольку, поскольку я ему её объяснил. И тем не менее, именно он дал мне самый ценный совет по части живописи.

– Какой же? – вежливо спросил тощий парень.

Его коллега, не слишком сдерживаясь, поглядывала на «Девушку в зелёном платье». Ей не были интересны сентенции давно умершего старика. Ей хотелось услышать романтическую историю. Не сомневаюсь, к встрече с Маэстро она готовилась даже тщательнее, чем я, а ведь и мне первым делом пришло в голову, что портрет девушки – свидетельство того самого бурного романа, о котором никто ничего толком не знал.

Маэстро ответил на вопрос, причём голос его удивительным образом изменился, в нём зазвучали новые интонации – вероятно, интонации покойного Джона Гокинса:

– Он сказал мне: «Знаешь, Дэмиен, все актёры для меня делятся на две категории...» Вы понимаете, он же владел этим прекрасным кинотеатром и лучше всего разбирался в кинематографе, поэтому часто выражал свои мысли в категориях кино. Так вот, он сказал об актёрах: «Одним интересно играть роль. Они наслаждаются, изучая человека, которого изображают. Другие играют только самих себя и наслаждаются сами собой. Кроме собственной персоны, их не интересует ничто. В твоих набросках, уж извини, я вижу только тебя. Ты всё время хочешь сказать: «Важны не эти люди сами по себе, а то, какими я их вижу». Я тогда начал спорить, доказывать, что это и есть суть искусства – выразить свой взгляд на мир. Джон возразил: «У тебя и так хватает возможностей что-то сказать, ты-то реален, у тебя в руках кисти и краски. А у них, – прибавил он, указывая мосластым пальцем на мои наброски, разложенные на столе, – у них есть только то, что ты им дашь. Не будь жестокосердным, позволь им выразить их взгляд на мир. Или ты создал их, чтобы лишиться права быть собой?» Я тогда не согласился, свернул разговор, несколько дней подбирал аргументы, а потом вдруг понял, что совсем не хочу возражать. Слова Джона проросли в моей душе и дали всходы. Именно тогда я стал таким художником, каким меня знают все...

Оба интервьюера снова покивали, кажется, так ничего и не поняв. Лично я мысленно поаплодировал Гокинсу: похоже, старик был весьма неглуп. Я сам именно так подходил к искусству маскировки.

– Маэстро Брэдфорд, – поспешила влезть с вопросом девица в брючном костюме. – На всей выставке я вижу только два портрета счастливых людей. О мистере Гокинсе мы уже знаем. Расскажите о девушке, которую мы видим рядом с ним.

Маэстро на мгновение опустил глаза, а потом вонзил в девицу ангельски прозрачный взгляд.

– Простите, леди, об этой работе я не хотел бы говорить. Пусть «Девушка в зелёном платье» сама расскажет о себе, я дал ей для этого композицию и цвет, позу и взгляд...

– Она ничего не может сказать, – перебил его кто-то. – И ты это прекрасно знаешь.

Громко произнесённые слова привлекли внимание, люди стали оглядываться. К Маэстро приблизился молодой мужчина с жёстким лицом, которое старили глубокие морщины. Жилистая фигура выдавала привычку к физическому труду, резкий голос явно был оточен где-то в цеху, где нужно перекрикивать шум работающих механизмов.

– Кэролайн мертва, – проговорил он. – И я душу готов прозакладывать, что в её смерти есть и твоя вина...

Он так близко придвинулся к Маэстро, что я уже назвал бы это демонстративным вторжением в личное пространство. Интервьюеры отшатнулись. На лице Маэстро не дрогнул ни единый мускул.

Судя по лицу, ему было что сказать. Но он молчал.

Толпа ошетибилась смартфонами, замерла в ожидании скандала. Но рядом с гневным винтерфолцем уже возник пожилой, однако отнюдь не утративший подвижности шериф.

– Довольно, Ларри, – сказал он, кладя руку ему на плечо. – Воспитанные люди не обсуждают личные вопросы на публике.

Мгновение казалось, что парень сбросит руку, но бодаться с шерифом он не решился, недобро прищурился и позволил себя увести. Маэстро глядел ему вслед прозрачным взглядом.

Аборигены сдержанно гудели. Чувства на лицах были разные, от беспокойства до злорадства. До меня долетали обрывки приглушённых фраз... И я вдруг понял, что с самого начала неверно оценил ситуацию.

Занятый только персоной Маэстро, его характером, поведением, то есть реакциями, на которых, возможно, предстояло сыграть, я не прислушался к разговорам винтерфолцев. А следовало бы, тогда у меня был шанс понять, что приезжий сирота за те два года ухитрился оставить в сердцах горожан глубокий след.

И сейчас они пришли не любоваться на знаменитость, не восхищаться современным искусством. Они пришли поглядеть на Дэмиена Брэдфорда. На того парня, который... сделал что? Первой мыслью, пришедшей мне в голову, было: сошёл с местной красоткой Кэролайн, по которой сох абориген Ларри, и всё кончилось печально.

Жизнь – жестокий киллер. Убивает и калечит по первому приказу сверху. И всегда остаётся вне подозрений, потому что люди сами ищут между собой кого-то, кого можно обвинить, осудить и, по возможности, растоптать.

Я ещё раз посмотрел на портрет Кэролайн. Нетрудно понять девчонку, влюбившуюся в художника. Впервые в Винтерфолле её красота сподвигла кого-то не на элементарную эрекцию, а на вдохновение. Она влюбилась – и что бы ни случилось потом, автокатастрофа ли, болезнь, да хоть падение метеорита – можно было говорить Дэмиену Брэдфорду: «Это из-за тебя. Если бы не ты, её не оказалось бы там-то и там-то...»

Вот какую историю знали обитатели Винтерфолла. Вот зачем они пришли сюда, а вовсе не за искусством. Я мысленно выругался. Для моего плана нужно было остаться с Маэстро наедине. С этим могли возникнуть сложности, если горожане собрались тарашиться не на картины, а на их автора.

Как будто мало мне сложностей с тем, что Дэмиен Брэдфорд путешествовал отнюдь не в одиночестве! С ним разъезжали два ученика и муза, обаятельная девчонка с роскошной гривой золотистых волос.

Девчонку звали Лиза Моне, и сейчас она находилась в другом конце зала, притягивая к себе, как магнит, немалую долю гостей выставки. Пухлячок Криспиан Амато возился в углу с коктейлями и, кажется, так ничего и не заметил. Где бы ни околачивался Йолле, теперь он скользил между людей, спеша – и не успевая – на помощь Маэстро. Про него писали, что он талантливый трафик и мастерски владеет карандашом. Глядя сейчас на его лицо, я бы скорее заподозрил, что этот невысокий и проворный парень, выросший где-то на границе с Гарлемом, мастерски владеет выкидным ножом, а талантлив главным образом в заметании следов.

Его рвение, однако, не потребовалось. Скандал, спасибо шерифу, не состоялся. Йолле покрутил головой и растворился в толпе. Парень и девушка с микрофоном снова взялись за Маэстро. Я размышлял, как теперь быть.

У меня были заготовлены несколько вариантов того, как остаться с Маэстро наедине, не привлекая ничего внимания.

В основном я рассчитывал на слова: «Не могу оторвать взгляд от «Сломанного велосипеда». Что было сложнее всего, когда вы его писали?»

Эта картина была редкой для Маэстро. Он всегда писал лица, а здесь был только намёк на лицо: мальчишка лет десяти, державший за руль велосипед с искорёженным передним колесом, низко нагнул голову с торчащими вихрами. Глядел он, кажется, кому-то вслед. Глядел недобро, так что сразу становилось ясно, что велосипед сломался вовсе не из-за неловкости хозяина.

Дэмиена Брэдфорда нередко спрашивали о картинах. Обычно – о прототипах. Редко – о том, как появилась идея. Исчезающее редко – о технике. Именно о «Сломанном велосипеде», как я понял, не спрашивали никогда, хотя эта картина приводилась везде, где только можно. Обратив на неё внимание и намекнув, что мне интересна техника письма, я мог рассчитывать завладеть интересом Маэстро.

Запасным вариантом было: «Сколько вы бы взяли за то, чтобы запечатлеть мою физиономию на холсте?»

Была ещё пара заготовок на разные случаи. Главным было сослаться на толпу и попросить побеседовать в стороне от любопытных взглядов. Очередной посетитель выставки обменяется парой слов со знаменитостью и исчезнет – так это должно выглядеть со стороны.

Но теперь я не был уверен, что это сработает. Приезд Маэстро в Винтерфолл, кажется, не был обычным вояжем артиста. Он не мог не знать, что здесь его ждёт ненависть. И, значит, прибыл в этот городок с какой-то своей целью. Было бы недурно понять, с какой, чтобы не ошибиться...

Однако времени не оставалось. Я возобновил медленное движение в направлении Маэстро. Я хотел оценить его настроение, понять, что у него на уме. Ухо уже улавливало слова из интервью.

В этот момент взгляд Дэмиена Брэдфорда остановился на моём лице. И я сразу понял: что-то не так.

Зрачки его расширились, а на губах вдруг появилась улыбка, которая выглядела дружелюбной, но которой чего-то недоставало, чтобы действительно быть таковой.

Однако в голосе зазвучала вполне убедительная радость, когда он воскликнул:

– Наконец-то! Я тебя ждал.

Это было, как гром среди ясного неба. Я не знал, как реагировать, и мило улыбнулся, удивлённо приподняв брови. Такой жест можно прочесть на дюжину ладов, от «Вы не ошиблись, мистер?» до «Как ты мог сомневаться, что я приду, брат?»

Маэстро шагнул ко мне, протягивая руку. Я ответил на пожатие. Ладонь у него оказалась на удивление твёрдая.

– Идущий на смерть приветствует несущего смерть! – заявил он. И пояснил, должно быть, решив, что я ничего не слышал о традициях Древнего Рима: – Приветствие идущих на смерть – это возглас, которым гладиаторы приветствовали императора, выходя на арену. Не подумай чего плохого, но что такое вся наша жизнь? Арена, на которой мы ведём поединок со смертью.

Маэстро отпустил мою руку. Хотел он того или нет, теперь все присутствующие смотрели на меня, гадая, кто я такой.

Мне не нужно было всеобщее внимание и, наверное, следовало сказать: «Парень, ты обо-знался и принял меня за кого-то другого».

Сказать так и уйти. Потому что теперь все мои планы однозначно можно было отправлять в корзину.

Вместо этого я кивнул и промолвил:

– Меткое сравнение. Не так важно было то, что в конце боя ты лежишь на арене, как то, вверх или вниз указывают пальцы толпы.

Маэстро засмеялся и похлопал меня по плечу.

– Я знал, что ты поймёшь! Никуда не уходи, нам нужно поговорить, когда всё закончится.

– О'кей! – согласился я.

Он вернулся к журналистам, я – к картинам.

Нужно было отчаливать. Брэдфорд откуда-то знал, кто я такой. Однако кое-что меня останавливало.

Если я отчалю, работа будет провалена. В лучшем случае, удастся сцапать его, действуя грубо и твёрдо зная, что оставил уйму следов. Гадес так не делает. Чёрт, Гадес не проваливает работу!

Раз уж я сюда влез и засветился, по крайней мере, нужно получше осмотреться и понять, что к чему. Может быть, ещё подвернётся случай...

На самом деле, было что-то ещё, какой-то настойчивое чувство, не позволявшее мне даже думать об отступлении. Но я не мог понять, в чём дело...

Почти час я бродил среди картин. Журналисты липли ко мне – я вежливо отшивал их. Пил коктейли пухлячка Амато, поглядывал на попки местных красоток. Красотки принимали моё внимание как должное, ведь это было внимание парня, которого лично знает Маэстро. Хорошо, что Обезьянка Джо сейчас не со мной. У меня бы уже уши завяли от предложений завести пару тёлочек в туалет и оттрахать, прижав лбом к зеркалу. Вчера он уже порадовал меня дюжиной историй о своих сексуальных похождениях, и во всех повествованиях лоб на зеркале почему-то был излюбленной деталью...

Потом ко мне подошёл Ганс Йолле и вывел из кинотеатра.

Глава 4.

– Маэстро просит подождать его тут, мистер...

– Скотт, – подсказал я. – Дейл Скотт, к вашим услугам.

– Эрик Йолле.

Он протянул мне руку. Пальцы у него, как я и ожидал, были сильными, хотя и не такими стальными, как у Маэстро.

– Что-нибудь выпьете?

– Может, потом.

– Ну, располагайтесь, Маэстро скоро придёт. – Он помолчал несколько секунд, разглядывая меня с огоньком в глазах. – Знаете, у вас интересное лицо. Я бы хотел его написать.

– Не то, чтобы мне было что возразить, – ответил я, – но, надеюсь, вы поймёте, если я скажу, что меня больше волнует мысль заказать свой портрет самому Маэстро.

Йолле туманно улыбнулся.

– Значит, решено... Вам говорили, что у вас римский подбородок?

– Да, пару раз.

Я не стал уточнять, что про мой «римский» подбородок мне лишь однажды сказала шлюха из Джорджии. Мы с ней лежали, отдыхая после соития. Она была ещё молода, не полностью обтесалась на работе и поддавалась эмоциям, если ей нравился клиент.

Я ей понравился. Она лежала на животе, уперев локти в матрац, и внимательно меня разглядывала. Солнце пробивалось сквозь зашторенные окна, золотистый луч пересекал её округлые ягодицы, заставляя их светиться в полутьме комнаты.

Забавно, что она задала мне такой же вопрос – слово в слово. Я, помнится, ответил с усмешкой:

– Нет. О моём подбородке заходила речь раза два, когда я учился в школе. Когда кто-нибудь расплющивал об него костяшки пальцев, у меня интересовались: «Блядь, он у тебя кирпичный, что ли?» Аналогии с античными статуями не приходили в голову ни мне, ни моим оппонентам – наверное, потому, что слово «античный» для нас означало только класс предметов в видеоиграх...

Я думал, она засмеётся, но молодая джорджийская шлюха сказала:

– А жаль. Может, всем на свете реже приходилось бы плющить пальцы, если бы люди по-настоящему умели рассматривать лица друг друга... – Она погладила меня по щеке и прибавила: – Я бы никому не советовала связываться с человеком, у которого такой подбородок...

Что касается Йолле, то он рассматривать лица явно любил и умел.

– Прошу извинить, это, наверное, вам неприятно... Но поймите мой профессиональный интерес. У вас удивительное лицо! В нём всё говорит о закрытости. На первый взгляд вы – человек-крепость. Но вместе с тем, я чувствую, что это маска, и на самом деле вы, скорее, человек-таран. Только не могу понять, в каких именно чертах лица кроется эта готовность атаковать...

– В выражении глаз, должно быть, – подсказал я. – Можно ведь месяцами отсиживаться в крепости, но делать время от времени вылазки.

– Особенно, когда вас провоцируют, тарашась самым бесцеремонным образом? – засмеялся Йолле. – Намёк понял. Что ж, я пойду. Только одно, – прибавил он, задержавшись на пороге. – Ничего здесь не трогайте. Ладно?

– Без проблем, – заверил я и опустил в кресло.

Я мог начать действовать прямо сейчас. Какую бы суровую школу жизни ни прошел Йолле на своём участке границы с Гарлемом, мне ничего не стоило убить его. Или оглушить, причём так, что он бы ничего не заметил. Просто потерял бы сознание и пришёл в себя через час-полтора. При необходимости рядом можно уложить и Лизу с Амато.

Трейлер был хотя не идеальным, но вполне подходящим местом для того, чтобы сцапать Маэстро. Гриф говорил, что готов заплатить и за мёртвого художника, но лишь десятую долю суммы. Если же я хочу получить своё сполна, с головы художника не должен упасть и волос.

Его спутников никакие требования не защищали.

Правда, половина выставки знала, что Маэстро пригласил меня в трейлер, и могла описать мою внешность. Это мало вязалось с моим планом. Но по большому счёту, это не так важно. Меня невозможно связать с Маэстро. Я прибыл издалека – и никто не узнает, откуда, по той простой причине, что я и есть человек ниоткуда. Меня нигде нет. Это часть того, что делает меня профессионалом.

Моя внешность ничего не даст ни шерифу, ни агентам ФБР, если похищением славы современного американского искусства займутся они. Можно, постаравшись, отыскать меня в Оклахоме или в Техасе. Можно связать моё появление на выставке с исчезновением Маэстро. Но нельзя будет ничего доказать, если только в трейлере нет камер видеонаблюдения...

А если есть?

Эта мысль заставила меня улыбнуться. Я нередко улыбаюсь меняющимся обстоятельствам.

О такой возможности следовало подумать раньше, чем начать прикидывать, как свернуть шею Эрику Йолле. Задний двор, как и все окрестности, были досконально изучены и мной, и Обезьянкой Джо. Видеокамера там была, всего одна, и следила она только за чёрным ходом.

А вот что насчёт трейлера?

Нет, вряд ли. Я осмотрелся. Интерьер трейлера имел крайне непрезентабельный вид. Единственной новой вещью внутри была сверкающая хромом, но уже чем-то заляпанная раковина, вероятно, её пришлось заменить дня два назад. Всё остальное: потёртая обивка скрипучей мебели, расшатанные ручки покосившихся дверей и дверец, щелястые наличники – решительно всё, что попадалось на глаза, настоятельно намекало на необходимость замены.

Несмотря на неистребимый запах красок и растворителей, несмотря на обилие в беспорядке рассеянных тут и там примет профессии, вроде приютившейся в раковине немойтой палитры или торчащих из кастрюли кистей, трудно было поверить, что трейлером владеет самый успешный художник Америки, а не укуренная рок-группа, доживающая последние дни на никому не нужных гастролях.

Сам я, в силу специфики своих занятий, приучен к порядку. Небрежность быта великого художника удручала. Вместе с тем, я не мог не признать, что во всём этом есть нечто, что глубоко мне импонировало.

Маэстро, по всей видимости, знал меру своему тщеславию. Он умел наводить на себя лоск, но не нуждался в нём, чтобы напоминать себе, кто он такой.

Во всяком случае, видеокамеры здесь быть не должно. Этот трейлер – место для своих, здесь не за кем следить.

Возможно, я – единственный гость, которого сюда пустили...

Нервная дрожь, с которой едва удалось сладить в выставочном зале, вернулась. Что же всё-таки происходит? Знает ли Маэстро, что я пришёл по его душу, или тут какое-то невероятное совпадение?

Я встал с кресла и прошёлся по трейлеру. Ожидание ещё не продлилось и двух минут, а уже начало меня изматывать. Не помню, когда я в последний раз так волновался.

Напротив кресла, в двух шагах, стоял мольберт, накрытый куском ткани. Я отвёл глаза, поймав себя на сильном желании посмотреть на холст. И как-то сразу поверил, что камера слежения в трейлере есть.

Это, должно быть, тест: оставить гостя одного и проверить, как он себя поведёт.

Если так, тогда, пожалуй, не так уж плохо, что я дал волнению немного воли и принялся расхаживать взад-вперёд. Человек с буддийской невозмутимостью скорее вызвал бы подозрения.

А так я – усреднённый честный малый, в котором нет ничего настораживающего.

С таким можно и поговорить...

Я отвернулся от холста и ещё раз оглядел хаос, охватывавший кухонную зону. Среди тарелок лежало несколько листов мелованной бумаги. Это были карандашные наброски: лица, фигуры. Одно лицо сразу бросилось мне в глаза: я узнал Ларри, парня, который считал Маэстро ответственным за смерть девушки по имени Кэролайн.

Трейлер слегка качнулся: чья-то нога встала на подножку. С лязгом повернулась ручка, дверь открылась.

Разглядев стоящего на пороге, я улыбнулся.

Грузная фигура, заслонявшая свет, принадлежала шерифу.

Глава 5.

Кажется, он был обескуражен моим видом не меньше, чем я – его. Но он хлопал глазами, а я улыбался.

– Шериф Престон, если не ошибаюсь? – сказал я. – Здорово вы справились с тем парнем. На минуту мне показалось, что он готов на всё.

Он закрыл за собой дверь, осмотрелся и спросил:

– С кем имею честь?

– Дейл Скотт, к вашим услугам, – бодро представился я и протянул руку.

Его пожатие было сильным, но выдавало неуверенность.

– Из Мичигана? – уточнил шериф.

– Верно, – кивнул я.

– Я – Стэнли Престон. Моя профессия – решать проблемы.

Обезьянка Джо рассказывал, что Стэнли Престон тёртый калач, с которым нужно держать ухо востро. Но сейчас у меня сложилось впечатление, что это он держит ухо востро. Должно быть, Ларри был по-настоящему беспокойным типом, и шериф ждал каких-то неприятностей.

Я сделал озабоченное лицо.

– Вы считаете, у Маэстро проблемы?

Секунду он непонимающе смотрел на меня, потом усмехнулся.

– У Маэстро? Надеюсь, нет, если только вы их не принесли. Давно вы с ним знакомы, приятель?

– Около часа.

– Ясно... Значит, вы из Мичигана? Чем занимаетесь?

– Главным образом, паразитирую на парнях вроде Брэдфорда. О, конечно, на самого Маэстро я не замахиваюсь! – поспешил прибавить я, будто ожидал – и дождался – от шерифа удивления. – Я просто хочу воспользоваться случаем и заказать у него свой портрет. Но, с другой стороны, если вдруг выяснится, что у Маэстро есть идея попаразитировать на мне... это можно сделать к обоюдной пользе, разве нет? В общем, я пока не знаю, для чего он меня позвал, но, полагаю, мы с ним сумеем договориться...

Я молот чепуху, как и должен был на моём месте человек, вдохновлённый приглашением Маэстро. Шериф делал вид, что слушает меня, но на самом деле думал о чём-то другом. Взгляд его то и дело останавливался на внутренней двери.

Наконец он спросил:

– Эй, мистер Скотт, позвольте вас перебить. Что насчёт Ганса Йолле? Он здесь?

– Нет, мистер Престон, он привёл меня сюда несколько минут назад и вышел.

– Сказал, куда пошёл?

– Нет, не сказал.

– Что ж... – Шериф взялся за ручку двери, но, поразмыслив, обратился ко мне: – Могу я попросить вас о маленьком одолжении, мистер Скотт? Если Йолле появится прямо сейчас, скажите ему, чтобы глядел вокруг повнимательнее. Вон там я только что видел подозрительный автомобиль...

Он махнул рукой за окно трейлера, около которого я стоял.

В той стороне, за дырявым забором из стальной сетки, прятался от окон кинотеатра за кустами сирени «ситроен» со связанным Обезьянкой Джо.

– Подозрительный? – переспросил я с улыбкой. – Что вы имеете в виду, шериф?

– Скажите Йолле, что это машина Стоунбриджа. А если он вдруг не знает, кто это такой, прибавьте, что, по мнению шерифа Престона, лучше иметь дело с дюжиной Ларри Смитсов, чем с одним Арчи Стоунбриджем. – Он вонзил в меня пристальный взгляд. – Вы уж не забудьте, мистер Скотт. Обязательно передайте.

– Не сомневайтесь, сэр, – кивнул я.

Он выскользнул из трейлера. Я проводил его взглядом через окно. Шериф шагал через задний двор, настороженно оглядываясь. Я обратил внимание на то, что кобура его смит-вессона растёгнута.

Арчи Стоунбридж, да? Ещё один винтерфоллец, затаивший обиду на Маэстро из-за Кэролайн? Или по какой-то другой причине?

Чутьё подсказывало мне, что назревает что-то серьёзное. Мысли сами собой начали выстраиваться в определённом порядке. Дэмиен Брэдфорд приехал в город, в котором его ненавидят. Шериф Престон ждёт неприятностей от некоего Арчи и, возможно, от Ларри. Брэдфорд, конечно, осведомлён об обоих, но, кажется, не считает их существенной угрозой, зато встречает меня, словно знакомого, и называет «несущим смерть», а себя – «идушим на смерть»...

Если Маэстро каким-то образом прослышал, что на него нацелили наёмника, он вполне мог решить, что заказчик – кто-то из винтерфолльцев!

Подталкиваемый неясным чувством, я присмотрелся к карандашному наброску Ларри. Лицо было прорисовано отнюдь не с фотографической точностью. Некоторые черты были слегка преувеличены. Однако это не превращало изображение в шарж. Скорее, Маэстро пытался яснее показать характер персонажа, и если верить мнению автора, характер у Ларри был не самый приятный.

Я видел на бумаге замкнутого, одинокого, упрямого и очень желчного человека. Такому о чём ни скажи – услышишь, что у этого есть тёмная сторона, и узнаешь, кто в этом виноват. Казалось, он даже из невинного замечания о погоде способен сделать вывод о том, что кто-то нехорош.

Неприятное лицо, если честно. И, пожалуй, проглядывает в нём способность укусить.

Я отложил лист и поглядел на второй. Саркастическое лицо, перечёркнутое скобкой ленинских усов. Этого парня я не видел, а вот следующий персонаж был мне знаком.

Несколько набросков шерифа Престона: лицо крупным планом, поясной портрет, в полный рост. Руки скрещены на груди, поза выдаёт несокрушимую уверенность в своих силах – и в своей правоте. Классический шериф с киноэкрана.

На следующем листе по центру был изображён задорно улыбающийся, неожиданно обаятельный Ганс Йолле, слева внизу – профиль задумчивого Криспа Амато. Справа на краю листа приютилась тонкая фигурка Лизы Моне, словно стоящая вдали. На следующем листе был сотканный из десятка набросков (в двух отработывалась прилизанная чёлка, в трёх – косой взгляд) Ральф Хьюз с безвольно опущенными плечами.

Любопытный подбор набросков. Я оглянулся на закрытый полотнищем мольберт. Наверняка и там меня ждало бы какое-нибудь интересное и непонятное открытие. Но толком подумать об этом я не успел: снаружи раздался звук выстрела.

«22-й калибр, – подумал я, бросаясь к окну возле двери. – Началось. Что бы это ни было, оно началось».

Вдали взревел мотор... Задний двор был пуст. Я покинул трейлер. Из-за угла слышались крики. Обогнув здание, я увидел мечущихся или застывших на месте людей на парковке. Вот появилась массивная фигура Стэнли Престона.

– Всем успокоиться! – прокричал он. – Оставайтесь на местах, опасности больше нет. Кто затопчет следы, пусть пеняет на себя!

Броуновское движение гостей выставки прекратилось. Только один человек не послушался шерифа, расталкивая спины, пробился на середину парковки. Это был Амато. Приблизившись, я увидел, что он склонился над распростёртым на асфальте Гансом Йолле, белую футболку которого пересекала тонкая бордовая струйка.

– Кто-нибудь вызвал врача? – дрожащим голосом воскликнул Амато.

Шериф подошёл к нему и положил руку на плечо.

– Конечно, приятель. Я вызвал. Только, боюсь, врач уже не поможет.

Даже с моего места было видно, что он прав. Пуля угодила Гансу точно в сердце.

– Ты видел, что произошло? – спросил шериф.

Амато закивал так, что затряслись щёки, и слёзы полетели с них брызгами.

– Да-да! Это были двое... Двое в масках! Они схватили Маэстро и затолкали в машину, а Йолле побежал к ним, и один достал пистолет...

Престон слегка сжал плечо Амато.

– Стоп, приятель. Подробности позже, а сейчас скажи главное: что это была за машина?

– А... я не заметил. Но большая... Фургон! Это был фургон – да, серого цвета, точно-точно...

– О'кей, приятель, я тебя понял. – Шериф взялся за рацию. – Джеки, ты на связи?

Рация что-то протрещала в ответ. Я стал приближаться, стараясь придерживаться едва уловимого ритма толпы, в которой кто-то оживлённо разговаривал, кто-то переходил с места на место, просто чтобы постоять рядом с новым человеком.

– У нас преступление, Джеки, – говорил Стэнли Престон. – Если точнее, то букет преступлений. Полторы минуты назад двое вооружённых в масках похитили Маэстро и увезли на фургоне серого цвета. Ученик Маэстро Ганс Йолле убит. Вызывай подмогу, я хочу, чтобы

были перекрыты все дороги. Я пока что остаюсь в «Вестлайте». Действуй. Да, и вот ещё что... Речь почти наверняка идёт о фургоне, который ты оштрафовал на прошлой неделе.

Рация снова затрещала, но теперь я стоял достаточно близко и расслышал фамилию «Стоунбридж».

– Верно, Джеки, он основной подозреваемый... Что? Угнан час назад? Хех, кто бы сомневался... Ладно, действуй, я вызову тебя позже.

Престон подвесил рацию к поясу и огляделся.

– Миссис Хьюз! Я нигде не вижу Ральфа...

Бледная, как бумага, жена владельца «Вестлайта» подошла к шерифу.

– Ральф недомогает, мистер Престон, – сказала она. – Когда Маэстро объявил перерыв, он сразу пошёл в кабинет, чтобы прилечь, и, полагаю, заснул. Ему очень нездоровится в последние дни...

– Верно, я видел бедолагу, – кивнул шериф. – Что ж, позовите ко мне Джеффа и Билла. Билл, надеюсь, трезв?

– Вполне, шериф. Обождите минуту...

Она взялась за телефон и отошла.

– Леди и джентльмены! – Престон обвёл взглядом собравшихся, скользнул и по мне, но, кажется, лишнего внимания я не привлек. – Кто видел, как всё происходило?

Несколько человек откликнулись. Шериф попросил их подойти поближе и записал имена.

– Не будем беспокоить старину Ральфа, я всех вас опрошу в подсобке. Настоятельная просьба: никуда не уходить, до опроса не разговаривать между собой о случившемся. Я хочу услышать от вас то, что вы видели, а не то, что додумали по рассказам других.

К нему приблизились двое: худощавый молодой человек, которого я мимоходом заметил на выставке, и потрёпанного вида мужчина старше пятидесяти, с толстыми кривыми пальцами и лицом, выдававшим склонность к спиртному. Первый, решил я, Джефф – надо полагать, помощник Ральфа Хьюза. А рядом с ним Билл, технический работник.

Джеффа шериф попросил принести, если нужно, стулья в подсобное помещение кинотеатра, а Биллу наказал присмотреть, чтобы никто не приближался к трупу. Сам же он направился к своей машине и достал из багажника стойки и моток жёлтой ленты с надписью: «Место преступления. Не пересекать!»

Я вернулся на задний двор, миновал трейлер и выскользнул через щель в заборе. Осмотрелся, подбежал к «ситроену» и забрался внутрь.

Обезьянка Джо катался по полу, пытаясь ослабить путы, которыми я стянул ему руки и ноги. На лбу и на носу у него блестели бисеринки пота. Разглядев меня, он гневно замычал, сверкая глазами.

Я вынул у него изо рта кляп и врезал в ухо, едва он продышался и собрался заорать.

– Тихо. Жить хочешь?

Чтобы мои слова звучали убедительней, я слегка сдавил его горло двумя пальцами. Желание скандалить пропало у Обезьянки Джо довольно быстро.

– Хочешь, да? О'кей, значит, ты будешь делать то, что я говорю. Учти, второго предупреждения не будет. Только шевельнись без моего приказа – и ты труп. Это понятно?

Он нехотя кивнул.

– О'кей. Теперь о деле. Кто-то нас опередил.

По лицу Обезьянки Джо трудно было решить, что он осознал проблему. Я тряхнул его.

– Ты что, не расслышал? Мы в полёте! Двое парней в масках похитили Маэстро. Что теперь скажет Грифф?

– Твою ж мать, – неразборчиво выбранился Обезьянка Джо, едва шевеля губами. – Этого бы не случилось, если бы ты меня не связал, гондон!

Я снова врезал ему в ухо.

– Отъебись! – взвизгнул он. – Ты велел делать, что скажешь, о'кей, буду делать. Но ты же требуешь ласково с тобой разговаривать! И если ты повёл себя, как ебучий гондон, я тебе так об этом и скажу...

– Заткнись. Ты бы ничем не помог. Ганс Йолле, помощник Маэстро, попытался остановить нападавших и словил пулю. Остывает сейчас на парковке. Мог бы и ты с ним рядом остывать. Действовать нужно с умом...

Я развязал его, коротко рассказывая, что произошло. Потом, пока Обезьянка Джо растирал затёкшие члены, нашёл бутылку воды, попил и устроился на пассажирском сиденье.

– Ну ты и встрял! – хохотнул Обезьянка Джо, когда я замолчал. – Довыёбывался! Типа – работаешь один и всё такое... Гриф будет недоволен.

– Тобой тоже. На, освежись.

Я, не оглядываясь, бросил ему через плечо пластиковую бутылку. Послышался глухой удар, короткая и эмоциональная брань, стук бутылки об пол. Обезьянка Джо не смог поймать бутылку. Он со стоном наклонился и поднял её. Звук при откручивании пробки был неровным. Этот тест показал, что Обезьянка Джо ещё не вернул себе мышечный тонус.

Шумно, с фырканьем, наглотавшись воды, он спросил:

– Итак, теперь я тебе понадобился? Шериф ищет Маэстро, а нам нужно его опередить?

– Ты чертовски прав, Обезьянка Джо! Именно это нам и нужно – опередить шерифа. У нас два часа.

Он пошевелил мозгами.

– Нереально! Маэстро могли увезти куда угодно в городе или на любую ферму в окрестностях...

– Знаешь парня по имени Арчи Стоунбридж?

– Ну... Нет, вроде бы...

– За полчаса ты должен узнать, кто он и где живёт. Бери фургон. Я пока проверю ещё один источник информации. Через сорок минут жду тебя на этом же месте...

Ещё не договорив, я расслышал, как он крадётся ко мне, задерживая дыхание.

– Обезьянка Джо, дружок, ты ведь не забыл того, что я сказал тебе про наши отношения? Ты жив, пока делаешь то, что я говорю. А если делаешь то, чего я не приказал, ты мёртв. У нас ведь не осталось никаких неясностей по этому вопросу?

Он засопел и спросил:

– Где моя пушка?

– Она тебе на хрен не нужна, так что забудь про пушку. Задача ясна? Через сорок минут с этого самого места мы с тобой выезжаем к Арчи Стоунбриджу. Если не выезжаем – ты мёртв.

Не оглядываясь, я вышел из «ситроена» и зашагал к дыре в заборе «Вестлайта». Полный ненависти взгляд Обезьянки Джо царапал спину. Я улыбнулся. Иногда я улыбаюсь, просто потому что мне весело. Редко, конечно...

«Магнум» вместе с запасом патронов лежал под водительским сиденьем фургона. Но Обезьянке Джо нипочём не придёт в голову поискать его. Он слишком любит оружие, ему не придёт в голову, что я мог от него отказаться.

Я миновал забор, прошёл мимо покосившегося штабеля коробок и уже сворачивал за угол, когда услышал, как завёлся мотор «ситроена». Обезьянка Джо взялся за дело.

Лучше бы ему не обмануть моих ожиданий. Я ведь не шутил насчёт готовности убить его. Я и вообще-то не склонен к излишнему веселью, а уж с вопросами жизни и смерти никогда не шучу...

Глава 6.

Жёлтая лента уже очерчивала квадрат со стороной в полсотни футов. Труп Йолле был прикрыт простынёй. Края простыни были прижаты камнями. Билл исполнительно караулил рядом. Его сизый пористый нос невольно приподнимался от гордости.

– Не подходите! Тут место преступления! – говорил он зевакам, хотя те и не лезли за ограждение.

Практически все зеваки были местными. Приезжие подходили время от времени и тут же растекались по ближайшим забегаловкам, или дожидались чего-то в своих машинах.

Я шёл среди зевак, тело невольно ловило и копировало ритм их движений – я давно приучил себя делать это, чтобы оставаться незамеченным. Обогнул огороженное пространство, вошёл в кинотеатр.

Здесь я сменил манеру поведения и прошёл в административную зону как к себе домой.

В коридоре, ведущем в подсобное помещение, толпились свидетели. Нужной мне фигуры в синем платье здесь не было. Где же она? В кабинете? Нет, кабинет закрыт, к нему и близко нельзя подходить – чтобы не побеспокоить старину Ральфа...

Я свернул в сторону буфета и там нашёл супругу владельца «Вестлайта». Она стояла, опираясь на стойку, сжимая в руке бокал, и рассеянно внимала увещаниям двух женщин. Я ввинтился в их тесный кружок.

– Миссис Хьюз! Нам нужно поговорить с глазу на глаз.

Она не была пьяна, но взгляд на мне сфокусировала с трудом.

– Кто вы такой?

– Тот, кто, возможно, сумеет вам помочь. Прошу прощения, дамы, – обратился я к женщинам, которые с интересом рассматривали меня, гадая, что я за тип. – Могу я рассчитывать на ваше понимание, если попрошу оставить меня наедине с миссис Хьюз?

– Нет, мистер, – покачала головой спортивного сложения женщина со стрижкой каре. – Даже не думайте, что мы поверим вам на слово. Мы слишком ценим нашу Лили. Если вам есть, что сказать, говорите при нас.

В молодости её лицо было, вероятно, очень миленьким, а прямой взгляд – очаровательно дерзким. Она и теперь была не лишена привлекательности, хотя черты лица сделались грубоватыми, а глаза были похожи на дула пистолетов. Калибра этак 22-го.

В тон ей заговорила и кудрявая блондинка с вытянутым лицом и дешёвым браслетом на худощавой руке:

– Для начала назовите себя.

По возрасту она была ближе к миссис Хьюз, то есть едва за тридцать.

– Можете называть меня Дейл Скотт, – сказал я блондинке.

Она смерила меня насмешливым взглядом.

– Ручаюсь, это не то имя, которым вас нарекли при рождении.

Я проигнорировал этот выпад.

– Итак, вы настаиваете, чтобы я говорил при вас? Даже если это касается мистера Хьюза?

– Особенно, если это касается мистера Хьюза, – с нажимом ответила старшая из подруг Лили.

– Я неверно выразился... Следовало спросить: даже если это касается жизни и свободы мистера Хьюза?

Подруги быстро переглянулись и устремили на меня вопрошающие взгляды, но я смотрел только на Лили. Та медленно отставила недопитый виски и сказала:

– Спасибо, что переживаете за меня, девочки, но я уверена, мистер Скотт не задумал ничего плохого.

Старшая решила первой, положила руку на плечо блондинки, и обе женщины отошли, не спуская с меня глаз. Наверное, они лесбиянки, подумалось мне. Было в них что-то вызывающее, а в глазах старшей – и откровенно порочное.

Лили Хьюз открыла сумочку, выложила на стол пачку «Слимс», не спеша, вытянула сигарету.

– Если вам есть, что сказать, мистер Скотт, не тяните время, – промолвила она, зажимая тонкий фильтр уголком ярко накрашенных губ. – Или, может, желаете выпить?

Я дал ей прикурить и ответил:

– Благодарю, но должна же хоть у кого-то в этом городе оставаться трезвая голова. Миссис Хьюз, я не стану говорить, где работаю, это неважно. Но мы догадывались, что против мистера Брэдфорда готовится акция. К сожалению, дерзость злоумышленников превзошла наши ожидания, так что первый раунд мы проиграли. Но за исход схватки я не беспокоюсь, она останется за нами. Хотелось бы только избежать лишних жертв. В число которых может попасть, к примеру, и мистер Хьюз.

– Не понимаю, о чём вы, – заявила Лили, прямо глядя мне в глаза.

Нарочно я к ней не присматривался, но успел заметить, что на выставке, общаясь с журналистами, она бросала на них короткие взгляды, а в основном смотрела на сына и на мужа. Сейчас, с близкими подругами, Лили не поднимала глаз от столешницы. Похоже, прямой взгляд для неё нехарактерен. Либо она говорила чистую правду, либо нагло лгала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.